

О ГЕНЕЗИСЕ ПЕСНИ «УЖ Я СТАРОГО, СЕДОГО...»**(народная обработка стихотворения А. А. Дельвига)**

В сборнике «Народно-поэтическая сатира» впервые была напечатана уральская песня «Уж я старого, седого...», записанная Н. И. Колпаковой от А. П. Исаковой в д. Некрасово Белоярского р-н Свердловской обл. в сентябре 1951 года. Текст ее таков:

Ужя старого, седого Зажгела просмеять. А ли, ай ли, ай люли, Зхотела просмеять.	Сама к окошечку качу. Старый сам себя увидел, Прямо с лестницы упал. Вот те старый черт,
Вместо парня молодого Пргласила ночевать. Развечернею порою Стый с лестницей к окну. Я, лада, не оробела, Взя зеркало, свечу, Взя зеркало, свечу,	насмешка, — Не влюбляйся в молоду, Не влюбляйся в молоду Да на семнадцатом году. Ай ли, ай ли, ай люли, Да на семнадцатом году ¹ .

Хотя рассматриваемая песня встречается довольно редко, необходимо отметить, что запись Н. П. Колпаковой — не единственная на Среднем Урале. В начале 60-х годов песня зафиксирована фольклорной экспедицией Уральского университета уже не в крестьянской, а в рабочей среде — близ г. Нижнего Тагила (ФА УрИ, кол. «Черноисточинск — 1961», № 24; благодарю доктора филологических наук В. П. Кругляшова за указание на данную коллекцию).

Песня определяется исполнительницей как шуточная. Вот ее текст:

Уж как девушки в лужках гуляли,
А я, старый, с ними был.
Захотелся красной девчонке
Старичонку обольстить,

¹Народно-поэтическая сатира. Л., 1960, с. 184—185.

Вместо парня молодого
Приголубить его, приласкать.
Ночь покрыла северну долину,
Роса пала, пала на лужок.
Вот тащится дядя бородатый
С длинной лестницей в своих руках.
Подходил старик да и к окошку
Ставил лестницу старик стоя, стоя,
Приподнял свою хромую ножку,
Полез к девушке старик в окно.
Да девчонка-шельма догадалась
Сунуть зеркальце ему в лицо,
Старик с ужаси перепугался,
Полетел к чертям на само дно.
Поутру она да увидала,
Стала спрашивать она его:
— Уж ты, дядя, дядя мой хороший,
Что ты в гости ко мне не бывал?
— Расхорошая моя девчонка,
Домовой меня, верно, родная,
Из окошка меня напугал.
— Уж вы, старые, — вы, верно, черти.
Наставленья это от меня:
Стариков любят да за деньги,
Молодых-то любят за любовь.

Записано В. Фирсовой и Н. Багуркиной в рабочем поселке Черноисточинск Пригородного района в июле 1961 года от Шишовой Анастасии Егоровны, 57 лет.

В комментарии к первой публикации записи Н. П. Колпаковой указаний на источник песни нет. Между тем довольно четко выдержанный размер (4-стопный хорей), наличие в ряде мест рифмовки, соответствующей литературным нормам, заставляет предположить, что скорее всего фольклорный текст восходит к авторскому стихотворению. Комизм сюжетных ситуаций, пожалуй, более характерен для ориентирующихся на фольклор стихотворений русских поэтов конца XVIII — начала XIX века.

Большой материал по литературным источникам народных песен собран в известных сборниках И. Н. Розанова и В. Е. Гусева². Но данный текст ими не учтен. Поэтому для разрешения проблемы необходимо просмотреть тексты русских поэтов отмеченного периода.

Как удалось выяснить, уральская сатирическая песня действительно восходит к литературному источнику. Это стихотворение «Старик», напечатанное в 1814 году за подписью «Д.» в журнале «Вестник Европы». Приводим текст его:

² Песни русских поэтов. Составил И. Н. Розанов. Л., 1936; Песни и романсы русских поэтов. Составил В. Е. Гусев. М.—Л. 1963.

Хлоя старика седого
Захотела осмеять:
Вместо парня молодого
Приласкать и в гости звать.
Вот покрыла ночь долину,
Тень простерлась на лугах;
Видит Хлоя старичину
С длинной лестницей в руках.
Тихо крадется к окошку,
Ставит лестницу — и вмиг,
Протянув сухую ножку,
К милой полетел старик.
К месту близок дорогом —
И в морщиночке слеза!
Хлоя зеркало седому
Прямо сунула в глаза.

И любовник спотыкнулся,
Будто грянул сильный гром;
С криком в три дуги согнулся
И считает бревны лбом.
Путру она спросила:
«Что же, милый, не бывал?
Уж не я ль тебя просила
И не ты ли обещал?»
Зубы в зубы ударяя,
Он со страхом отвечал: ,
«Домовой меня, родная,
У окна перепугал».
Старики! Теперь внимайте
Наставленье от меня:
Вас любить не заставляйте,
Коль пугаетесь себя!³

Сопоставление народной обработки с авторским текстом показывает, что в записи Колпаковой сравнительно точно сохранилось лишь первое черверостишие, остальной текст дан в свободном сокращенном изложении (например, совсем исключен диалог, случившийся наутро). И в то же время бесспорно видно, что именно это стихотворение было источником песни.

Во второй записи 1961 года сюжет того же стихотворения передан точнее, без пропуска каких-либо звеньев. Лексических совпадений с авторским текстом много, но они мало заметны: они как бы «рассыпаны» в разных местах песни. Признаки литературного происхождения стерты: во-первых, здесь более последовательно осуществлена замена литературных стилистических особенностей фольклорными; во-вторых, большая дополнительная перестройка текста произошла из-за того, что авторское стихотворение, написанное 4-стопным хореем, распето на мелодию, потребовавшую более длинной строки. Почти полностью утрачена рифмовка.

Текст, записанный в рабочей среде, обладает всеми признаками народной песни. Большинство строк его по ритмической организации близко 5-стопному хорее (в начале песни встречаются и 4-стопные строки). При пропуске одного ударения в строке размер сближается с фольклорным тоническим 4-ударником, традиционным для народной лирики.

Действие прикреплено к новому месту — «северной долине». Для стиля характерны не встречающиеся в авторском тексте, но обычные для народной песни особенности: синонимические группы слов («приголубить—приласкать», «девчонка-шельма»), повторы («роса пала, пала на лужок», «дядя, дядя мой хороший» и т. д.), характерные для фольклора приставки слов («расхорошая»). Концовка песни содержит афористический вывод-назидание, построенный с помощью параллелизма.

³ «Вестник Европы», 1814, № 22, с. 98.

Кто же написал стихи, послужившие основой для народных переработок? Первой буквой фамилии подписался в журнале шестнадцатилетний лицеист Антон Дельвиг, один из ближайших друзей А. С. Пушкина. В дальнейшем он переделал ряд мест в тексте произведения и заглавие «Старик» заменил другим — «Хлоя». Но эта редакция вошла в издания его произведений лишь в послеволюционные годы.

Рассматриваемые варианты восходят к первому, журнальному тексту, неоднократно перепечатывавшемуся в XIX веке в сочинениях Дельвига⁴. В песне мы читаем, например: «Вместо парня молодого/Пригласила ночевать». В журнале — довольно близко: «Вместо парня молодого/Приласкать и в гости звать». А в окончательном авторском тексте совсем иначе: «И шепнула: «Я драгого/Под окошком буду ждать».

Стихотворение Дельвига не принадлежит к наиболее популярным его произведениям. В пушкинское время особенно понравившиеся читателям стихи обычно неоднократно перепечатывались в различных альманахах и сборниках. Перепечатки этого стихотворения совершенно отсутствуют⁵. Не зарегистрированы также песни и романсы наших композиторов на эти слова⁶, хотя в принципе музыканты обращались к ранним стихам Дельвига, написанным к 1814 году (И. Рупин—«Мальчик, налей мне фиал», М. Яковлев — «Куплеты к Диону», А. Даргомыжский — «К Лилетте», «Первая встреча»). Конечно, нельзя совершенно исключить возможность перепечатки стихотворения в каком-нибудь полулубочном песеннике (их мы знаем плохо, так как подобные издания обычно «зачитывались» до гибели экземпляра и в библиотеках не хранились), но даже при этой оговорке случай выглядит довольно редким: стихотворение, напечатанное в журнале еще в период войны с Наполеоном и в немногочисленных сборниках стихотворений Дельвига, оказывается живой народной песней.

Что же привлекло внимание народных певцов в этом тексте?

Думается, в первую очередь надо назвать идейное и тематическое родство с многочисленными народными песнями о тяжелой доле молодой женщины, отданной замуж за неровню. В стихотворении Дельвига девушка, активная и остроумная, умело ставит старика в комическую ситуацию и побеждает. Таким образом, носителям фольклора оказался близок пафос конфликта этого стихотворения.

Далее нужно отметить, что данный сюжет, его участники и реалии тоже близки подлинным фольклорным. Видимо, корни этого

---

⁴ См., например: А. Дельвиг. Полн. собр. стихотворений. Спб., 1891, с. 58; А. А. Дельвиг. Сочинения. Спб., 1893, с. 9.

⁵ Н. П. Смирнов-Сокольский. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. М., 1965.

⁶ Г. К. Иванов. Русская поэзия в отечественной музыке, вып. 1—2. М., 1966—1969.

сюжета — еще в глубокой древности, в мифологических представлениях людей, переходивших из их верований в народное творчество. Остановимся на этом.

Вероятно, зеркальное отражение некогда казалось людям опасным, порою грозящим гибелью. Таков греческий миф о Нарциссе. Гордый и самовлюбленный, он отверг любовь всех нимф. И богиня любви Афродита наказала его безответной любовью к собственному отражению в воде. Он умер от тоски на берегу ручья, превратившись в одноименный цветок («Метаморфозы» Овидия). Любопытную типологическую параллель к этому сюжету мы находим в мифологии палеоазиатов — камчатских коряков. Демидург их мифологии Кутх (Ворон) наказан за ряд трикстерских проделок против своего рода: «Однажды он влюбился в свое отражение, стал свататься, нырнул в реку и утонул»⁷.

Смерть или беда из-за отражения встречаются в сказках и баснях о животных. В индийском фольклоре умный заяц, которому пришла очередь идти на съедение к льву, показывает хищнику его отражение в колодце как соперника; лев прыгает в колодец и тонет («Панчатантра», кн. 1, рассказ 7). Собака с куском мяса во рту видит свое отражение в реке с моста; отраженный кусок ей кажется больше, она решает завладеть им и теряет мясо (басня Эзопа, известная у нас в пересказе Л. Н. Толстого). Подобные ситуации возникают и в литературных сказках: енотик, боясь своего отражения в воде, грозил ему палкой и напугался еще больше, а когда улыбнулся, конфликт был исчерпан (мультфильм «Крошка Енот» по сценарию М. Долотцевой).

Верования, приписывающие отражению и зеркалу магическую силу, приводят к тому, что зеркало нередко используется в гаданиях (в «Светлане» Жуковского, «Евгении Онегине» Пушкина и т. д.) Оно является волшебным сигнализатором, помогающим одному герою и вредящим другим, в волшебных сказках — в сюжетах «Елена Премудрая», «Медный лоб», «Волшебное зеркальце» (по указателю Аарне — Андреева № 329, 502, 709) и подобных. Беда из-за неузнавания себя происходит в новеллистических сказках и анекдотах, например, на сюжет «Жена (муж) не узнает себя» (Аарне — Андреев, № 1384; ср. в сб. «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева № 518 с английской «Сказкой о старушке» в переводе С. Маршака).

С утратой веры в мифы появилась возможность пародийно-иронического пересказа, например, того же повествования о Нарциссе. Популярнейший из греческих эпиграмматистов I века Лукилий написал такую эпиграмму на кулачного бойца («Палатинская антология», кн. 11, № 76):

С таким рылом, Олимпик, не вздумай когда-нибудь близко
Стать у ручья и взглянуть в зеркало чистой воды.

---

⁷ М. И. Шахнович. Первобытная мифология и философия. Л., 1971, с. 97.

Видя свое отраженье, умрешь ты, подобно Нарциссу, —
До смерти сам ты тогда станешь противен себе⁸.

Нарцисс умер из-за своей красоты. Искалеченный в кулачных боях Олимпик умрет из-за своего уродства, если увидит его отраженным.

Тема эпиграммы Лукиллия неоднократно использовалась в русской поэзии. Такова анонимная эпиграмма 1794 года:

Нарцисса дни увяли,
Когда свои в реке увидел красоты;
Брегися в зеркало равно смотреться ты:
Тот умер от любви, а ты умрешь с печали (№ 505)⁹.

В 1804 году на этот же сюжет пишет эпиграмму Д. Хвостов:

Нарцизовой красы историю слышали?
Узря себя в водах, в восторге умер он.
Ты в воды не смотришь! Тебе другой закон:
Ты можешь умереть с печали (№ 319).

Ситуация этих эпиграмм уже близка к тому, чтобы принять свое отражение за другое существо (напомним, что старик в стихотворении Дельвига увидел в зеркале вместо себя домового). Так, собственная тень принята за беса в эпиграмме, переведенной в 1792 году неизвестным русским автором с французского — из Ш.-С. Тевено:

— Мне сказывал Милон,
Что беса видел он.
Увидевши его, бедняжка испугался,
С ослиными ушми тот бес ему казался...
— Ошибся твой Милон... Личину зря сию,
Он видел тень свою (№ 500).

Аналогичное развитие мысли мы встречаем в басне А. Нахимова «Правда и подьячий», построенной на русском материале:

Считал алтыны драч тайком, подобно вору,
Вдруг правда хищному его предстала взору.
Затрясся, побледнел крючок,
И дыбом стал его пучок.
Алтынник правды испугался,
Алтыннику бес в правде показался!
Но правда не страшна,
То видит всякий зрячий;

⁸ Греческая эпиграмма. М., 1960, с. 220—221.

⁹ Номера здесь и далее приводятся по кн.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975.

Лишь зеркало она,
А дьявол сам подьячий¹⁰.

Наличие многочисленных авторских произведений, в основном эпиграмм, заставляет предполагать существование недошедших до нас фольклорных анекдотов на этот же сюжет, воздействовавших на литературу. От подобных произведений — путь к теме оживающего портрета (портрет — тоже отражение) у романтиков и их последователей. Из разноплановых произведений с этим мотивом, обычно связанным с двойничеством, назовем ряд повестей Э. Гофмана, «Необычайные приключения Петера Шлемиля» А. Шамиссо, «Овальный портрет» Э. По, «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда и др., а в русской и советской литературе — повести В. Одоевского и А. Погорельского, «Портрет» и «Нос» Гоголя, раннюю прозу А. К. Толстого, лирику А. Блока, «Черного человека» С. Есенина (в этой поэме «черный человек» — отражение героя в зеркале), «Тень» Е. Шварца и др. В таких произведениях дело тоже обычно заканчивается катастрофой. Но эти отдаленные параллели мы не будем рассматривать.

В приведенных выше эпиграммах есть зеркало и отражение, принятое отразившимся за беса, но нет еще старика, влюбленного в молодую девушку. Старик, девушка и зеркало вместе появились в литературе весьма давно — уже в древнегреческой поэзии, в песнях, приписанных Анакреонту. В 11-й анакреонтической оде Дельвиг мог прочесть:

Мне девушки сказали:
Ты стар, Анакреон,
Вот зеркало, смотрися:
Уж нет ни волоска...¹¹

К зеркалу как аргументу против влюбленного старика прибегает юная красавица XVI века в стихотворении Пьера Ронсара «Когда хочу хоть раз любовь изведать снова»:

— Взглянул бы в зеркало: ну, право, что за вид!
К чему скрывать года, тебя твой возраст выдал:
Зубов и следу нет, а глаз полузакрит,
И черен ты лицом, как закопченный идол¹².

---

¹⁰ Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959, с. 248. Ср. с татарским анекдотом «Как выглядит сатана» (Веселая россыпь. Татарский народный юмор. М., 1974, с. 58), в котором на сатану похоже отражение муллы в зеркале, и со стихотворением А. С. Пушкина «На К. Дембровского (Когда смотрюсь я в зеркала)».

¹¹ Цитирую по популярному в начале XIX века переводу Н. А. Львова: Стихотворения Анакреона Тийского, кн. I. Спб., 1796, с. 33.

¹² П. Ронсар. Лирика. М., 1963, с. 84.

Да и после дельвиговского стихотворения апелляция девушки к зеркалу тоже встречалась. Так, в «Сороке-воровке» Герцена актриса рассказывает о разговоре с влюбленным в нее старым князем — владельцем труппы:

— Дайте вашу руку, князь, подите сюда.

Он, ничего не подозревая, подал мне руку; я подвела его к моему зеркалу, показала ему его лицо и спросила его:

— И вы думаете, что я пойду к этому смешному старику, к этому плешивому селадону? — Я расхохоталась.

Князь побледнел от бешенства¹³.

Так что и до стихотворения Дельвига, и после у его геронни были союзницы в литературе.

Произведения, в которых против влюбленного старика были бы одновременно обращены зеркало и лестница, найти не удалось. Порой в аналогичных сюжетах встречается одна лестница с подпильенной ступенькой, как в эпизоде рассказа А. Погосского «Медвежья наука». Здесь речь идет о старослужащем солдате Ефреме Ефремыче: «Матреше, хозяйской дочке, на своей же квартире уже крепко надоел он приставанием своим.

— Ну, черт с тобой, приходи до петухов на сеновал. — говорит она ему, — там потолкуем.

— Ладно, касаточка! — у Ефремыча и ушки на макушке.

Полез он до петухов во мраке ночном на сеновал, лестница длинная — лезет, вот уж и наверху, берется за последнюю кладочку — трах! — да и с трехсаженной высоты и треснулся оземь! Только под сердцем екнуло у него. А до избы дополз на карачках. Удружила Матреша: как там устроила разрушение сие — ничего не известно, а только Ефрем с неделю походил в околотке: слаб, говорит, всем корпусом! Да, я думаю, что слаб»¹⁴.

Фольклорный характер этого эпизода можно подтвердить наличием сходной сцены в раннем рассказе А. Н. Толстого «Соревнователь», в финале которого влюбленный старик хотел заглянуть в комнату молодой героини с крыши напротив окна, но обнаружил рядом с гостьей своего внука и от огорчения упал оттуда в заросли крапивы...

Итак, оба сюжетных звена (влюбленный старик пугается своего отражения в зеркале, он же падает с лестницы) имеют многочисленные параллели в фольклоре и литературе. Трудно сказать, где зеркало и лестница, обычно встречающиеся порознь, соединились; может быть, именно в стихотворении Дельвига. Во всяком случае, сюжет, герои и реалии стихотворения представляются достаточно близкими народным новеллистическим сказкам и анекдотам, что тоже способствовало созданию народной сатирической песни на основе этого стихотворения.

---

¹³ А. И. Герцен. Повести и рассказы. М., 1962, с. 282—283.

¹⁴ А. Ф. Погосский. Повести и рассказы, ч. 3, кн. 1. Спб., 1866, с. 64.

Выявление народной переработки еще одного стихотворения Дельвига обогащает наше представление о его связях с народным творчеством. Это говорит также об определенном уровне мастерства юного поэта.

Как мы отметили выше, стихотворение Дельвига не относится к широко известным: сведений о перепечатках его в альманахах, хрестоматиях, песенниках нет, композиторы к этому тексту не обращались. Вероятно, в народную среду оно пришло непосредственно из какого-то издания сочинений Дельвига. Это характеризует интерес крестьянского и горнозаводского населения Урала к творчеству друга и соратника Пушкина, к русской классической поэзии, опирающейся на фольклорные традиции.

Судьба авторского текста в фольклоре показывает осознанное отношение песенников к переработке. Текст, записанный в рабочей среде, отличается большей степенью стилистического редактирования, явным и удавшимся стремлением «перевести» стихотворение в русло фольклорной традиции. Этот факт ведет к выводам, значительным как для рассмотрения вопроса о литературно-фольклорных контактах, так и о традициях крестьянской песни в рабочей среде.

В то же время рассмотренный в статье литературный и фольклорный материал является одним из проявлений непрерывающегося проникновения фольклорных сюжетов в литературу и «возвращения» литературных сюжетов в русло фольклора.